

© 2010 г.

А.О. Большаков

РУССКИЕ В ГИЗЕ, 1843

Отношение к граффити на древнеегипетских памятниках сильно зависит от их возраста. Древние граффити, естественно, тщательно публикуются как исторические источники, однако уже надписям, сделанным коптами, уделяют очень малое внимание и зачастую не воспроизводят их при публикации самих памятников. Что же касается более или менее новых граффити, то их вполне справедливо воспринимают как проявление вандализма и не упоминают, если только они не были оставлены знаменитостями. Между тем некоторые из них, будучи поставлены в определенный контекст, обретают историческое значение.

В 2003 г. я обнаружил граффито на русском языке в гробнице Ии-мери в Гизе (G 6020 = LG 16), на южной стене камеры 3. На этой стене вообще довольно много граффити, однако ни одно из них не воспроизведено ни у Лепсиуса, ни в новом издании Уикса¹; лишь на фотографии 1993 г. хорошо видна большая надпись черной краской в верхней части стены: ΠΑΝΑΤΙΩΤΗΣ ΑΝΔΡΩΝΗΣ 1870².

Интересующее нас граффито аккуратно вписано в изображение широкого сосуда на подставке, закрытого крышкой, располагающееся в третьем снизу регистре. Оно выполнено карандашом, в левой половине отчасти стершимся, и состоит из даты и семи имен (рис.):

1843.

*Врачко, Уманецъ,
Черниковъ, Шереръ,
Киселевъ, Полосухинъ
Салехъ*

Ключ для отождествления людей, оставивших граффито, дает редкая фамилия Уманец. Александр Алексеевич Уманец (1808–1877) родился в семье крымского землевладельца и в 1830 г. окончил Московский университет, после чего служил в канцелярии новороссийского и бессарабского губернатора М.С. Воронцова³. В интересующее нас время он был директором одесского Карантина и в 1842–1843 годах в составе противочумной экспедиции побывал в Египте⁴. В 1850 г. по настоянию путешествовавшего по Египту за семь лет

¹ LD II, Bl. 53; *Weeks K.* Giza Mastabas. Vol. 5. Mastabas of Cemetery G 6000. Including G 6010 (Neferbauphtah); G 6020 (Iymery); G 6030 (Ity); G 6040 (Shepseskafankh). Boston, 1994. Fig. 43. Pl. 29.

² http://www.gizapyramids.org/Studies/PD/PDM_1993.113.10.jpg.

³ См. *Мурзакевич Н.Н.* Александр Алексеевич Уманец // ЗООИД. Т. 1. 1879. С. 439–441. Я благодарен Е.А. Романовой, предоставившей в мое распоряжение копию этого некролога.

⁴ Мурзакевич (Ук. соч. С. 440) ошибочно (видимо, по памяти) писал о трехлетней экспедиции, и это утверждение неоднократно повторялось: *Латышева Л.П.* К истории египетской коллекции Одесского археологического музея // Краткие сообщения о полевых археологических исследованиях ОГАМ. Одесса, 1963. С. 123–129; *Доконт Н.Г.* Древнеегипетские памятники в Одесском государственном археологическом музее // ВДИ. 1965. № 2. С. 208.

Рис. Граффито в гробнице Ии-мери в Гизе

до него Авраама Сергеевича Норова он опубликовал двухтомное описание своей поездки⁵, посвященное, как явствует уже из самого названия, главным образом монастырям Синайского полуострова и христианским святыням Палестины. На фоне детального описания этой части путешествия разделы о Египте совершенно теряются; более того, все они посвящены либо тому, чему сам автор был свидетелем (два посещения Мухаммеда Али), либо нравам современного ему Египта (суд, казни, жизнь гаремов), либо событиям, не уходящим в прошлое далее Наполеона (гибель Клебера⁶, уничтожение мамлюков). Между тем Уманец предпринял поездку по Верхнему Египту, добрался до острова Филэ и приобрел несколько памятников, позднее подаренных Одесскому археологическому музею⁷, но это не нашло никакого отражения в его мемуарах. Пожалуй, это единственная книга о Египте, в которой ни разу не встречается слово «пирамиды»⁸. Точно так же практически ничего конкретного не сказано и о работе по изучению чумы, ради которой была предпринята экспедиция⁹, позволившая Уманцу с познавательными и благочестивыми целями изрядно поехать и по Египту, и по Сирии, и Палестине.

Тем не менее полезная для нас информация в книге все же имеется. В «Предуведомлении от автора» Уманец в нескольких словах четко описывает задачи и состав экспедиции: «С Высочайшего соизволения, последовавшего по ходатайству Новороссийского и

⁵ [Уманец А.] Поездка на Синай с приобщением отрывков о Египте и Святой Земле А. Уманца. Ч. I–II. СПб., 1850.

⁶ По рассказам его драгомана Бокти, кстати, явно гораздо более реалистичным, чем то, что писал А. Доза, побывавший в Египте в 1830 г.: по словам последнего, Сулейман ал-Халеби, убийца Клебера, был посажен не на кол, а на шпиль минарета (Дюма А., Доза А. Путешествие в Египет. М., 1988. С. 80) – операция, без использования вертолета едва ли осуществимая, не говоря уже о неизбежной реакции мусульман на такое святотатство (впрочем, это, скорее всего, деталь, порожденная пылкой фантазией Александра Дюма, литературно обработавшего записки Доза).

⁷ Латышева. Ук. соч. С. 126.

⁸ В силу этого фигура Уманца остается практически незамеченной египтологами. Между тем он вел дневники, которые могли где-то сохраниться.

⁹ Упоминается лишь посещение в самом начале Клот-бея, «председателя тамошнего Главного Совета Здравия» (Уманец. Ук. соч. Т. II. С. 87), да то, что комиссия жила в военном госпитале в Каср ал-Айни (там же, с. 133).

Бессарабского Генерал-Губернатора и Наместника Кавказского, князя М.С. Воронцова, была отправлена на Восток особая карантинная комиссия для проведения опытов очищения зачумленных вещей посредством усиленной теплоты. Она состояла из трех чиновников Одесского карантина: председателя (главного медика Д.С.С.¹⁰ Врачко) и двух членов; одним из последних был назначен я и этому случаю обязан своим путешествием по Востоку. Комиссия отправилась из Одессы в мае 1842 г. В то время я занимал должность Директора Карантинного дома. Другим членом был шт.-лек.¹¹ Черников, впоследствии умерший. При нас находились также два унтер-офицера карантинной стражи: Киселев и Полосухин; последний умер от чумы в Каире, во время проведения комиссией своих опытов»¹².

Таким образом, нам становятся известными пятеро из семи человек, составлявших группу, посетившую в 1843 г. Гизу. Однако сперва, пожалуй, следует сказать несколько слов об учреждении, в котором они служили. Поскольку Одесса изначально создавалась как главный порт на Черном море для сообщения России со Средиземноморьем и Ближним Востоком, Карантин, долженствовавший стать барьером для инфекций, переносимых на кораблях, был одним из первых казенных учреждений города – его штаты были утверждены 17 июля 1794 г., а через 15 лет он превратился в монументальное сооружение с отдельными помещениями и двориками для каждого отбывавшего в нем свой двух-трех-недельный срок¹³.

Деятельность Карантина была отнюдь не проформой, а служба в нем не sinecурой: Одесса пережила серьезные эпидемии чумы в 1812, 1829 и 1837 годах и холеры в 1830, 1848, 1865 годах, когда количество умерших измерялось сотнями и даже тысячами, не говоря об эпидемиях более мелких и частых (например в 1910 г.)¹⁴. В крайних случаях город оцеплялся солдатами, имевшими право стрелять в обывателей, нарушавших режим изоляции; унтер-офицеры Киселев и Полосухин вполне могли стоять в таких оцеплениях. Поэтому задача изучения чумы в местах, где она эндемична, – а Египет в XIX в. был именно таким местом, была естественна. «Теплоочистительная карантинная система»¹⁵, эффективность которой должна была выявить экспедиция, судя по всему, состояла в том, что позднее стали называть прожаркой вещей инфицированных¹⁶. Впрочем, собственно медицинская сторона дела, с точки зрения эпидемиологии может быть и важная, для нас не слишком интересна по сравнению с личностями действующих лиц.

Сразу же возникает вопрос: почему Уманец, не врач, а чиновник, отправился в тяжелую и опасную медицинскую экспедицию, в которой он к тому же занимал подчиненное положение. Дело, видимо, в том, что незадолго до рассматриваемых событий после трех лет брака умерла его жена, и дальнейшее путешествие могло быть способом ухода в другую реальность. После возвращения из экспедиции, результаты которой были признаны успешными¹⁷, Уманец продолжал с повышениями служить в Керченском центральном карантине (1845 г.) и в Кавказском карантинно-таможенном управлении в Тифлисе (с 1846 г.). Он был женат вторым браком на Марии Рихтер (1829–1884), дочери Александра Рихтера, директора Медицинского департамента и лейб-хирурга Высочайшего Двора, что, несомненно, содействовало его карьере. В 1854 г. он, уже действительный статский совет-

¹⁰ Действительного статского советника.

¹¹ Штаб-лекарь.

¹² *Уманец*. Ук. соч. Т. I. С. V.

¹³ См. *Ярославцев А.* Стена Карантина // http://odessit.nm.u/stena_karantina. В 1848 г. две недели провел в Карантине Гоголь, возвращавшийся из Святой Земли через Константинополь, см.: Николай Гоголь и Одесса <http://ya-odessit.ru/content/nikolai-gogol-i-odessa.html>.

¹⁴ См. <http://community.odessaglobe.com/forumviewthread/83>; <http://supotnitskiy.webspecialist.ru/book/book2-6.htm>.

¹⁵ *Уманец*. Ук. соч. Т. II. С. 197.

¹⁶ Там же. Т. I. С. VII.

¹⁷ Там же.

ник, переехал в Тверь, где занимал свою последнюю должность управляющего Удельной канторой¹⁸. По окончании службы он перебрался в Петербург¹⁹. У него было две дочери, Елизавета и Надежда; первая в 1882 г. вышла замуж за Александра Николаевича Гончарова, племянника Ивана Александровича Гончарова, и оставила воспоминания о последнем²⁰.

Был ли А.А. Уманец каким-либо образом связан с Египтом после публикации его записок? Сказать трудно, но в Интернете, на сайтах множества турфирм повторяется без изменений следующий текст: «На верхнем камне в кладке сохранившейся стены древнего храма в Луксоре, на почти четырехметровой высоте, каллиграфическим почерком выбито на века: ‘Уманец. 1867 год’»²¹. Означает ли это, что Александр Алексеевич совершил вторую поездку в Египет? Фамилия редкая, а 59 лет не тот возраст, который однозначно препятствовал бы комфортному путешествию в туристический сезон хотя бы и в XIX в.

О начальнике экспедиции М.И. Врачко, фамилия которого в нашем граффито стоит первой, трудно сказать что-то определенное. Если он был действительным статским советником, на службе он должен был находиться не меньше четверти века. И действительно, известен его рапорт от 29 мая 1824 г. по поводу запоя подчиненного ему фельдшера яхты «Твердая» Угрецова²². Как и Уманец, Врачко подарил Одесскому археологическому музею несколько древнеегипетских и этнографических предметов²³. Узнать что-либо о штаб-лекаре Черникове мне не удалось, хотя какая-то информация о нем, равно как и о Врачко, должна иметься в одесских архивах. То, что Уманец называет его «впоследствии умершим» означает, конечно, что он умер не во время экспедиции, а между ее окончанием 1843 г. и прохождением мемуаров через цензуру в 1849 г. Два участвовавших в экспедиции унтер-офицера, Киселев и Полосухин, принадлежавшие, видимо, к охране Карантина, в Египте, надо полагать, были помощниками в грязной работе, что для одного из них закончилось заражением чумой и смертью.

Последнее в граффито имя – Салех, в мемуарах Уманца не упоминается. Драгоманом экспедиции он явно не был, поскольку эти функции выполнял «Якуб, армянин, родом из Тифлиса»²⁴, так что, скорее всего, он был каким-то местным жителем, водившим приезжих по Гизе. В любом случае, человеком он был маленьким и не своим, и поэтому упоминание его имени в высшей степени примечательно с точки зрения психологической характеристики русских врачей – гордые бритты так никогда бы не поступили.

¹⁸ Кстати, его непосредственным начальником был министр уделов (и вместе с тем управляющий Академией художеств) Лев Алексеевич Перовский, брат Василия Алексеевича Перовского, которому принадлежал переданный в 1861 г. в Эрмитаж так называемый «камень Перовского» (инв. № ДВ 1101, [Golénisheff W.]. *Ermitage Imperial. Inventaire de la collection égyptienne*. [St. Petersburg], 1891. С. 169–170; *Ланда Н.Б., Латис И.А.* Памятники искусства древнего Египта в Эрмитаже. Л., 1974. Кат. № 118) – уникальная серпентиновая плитка с 64-й главой Книги мертвых, записанной мельчайшими и фантастическими по качеству иероглифами (камень был, скорее всего, приобретен в Европе, где Перовский жил в 1840–1851 гг.). Хотелось бы думать, что Уманец мог видеть памятник в руках владельца, но это маловероятно, так как Василий Алексеевич с 1851 г. был Оренбургским генерал-губернатором и руководил многочисленными экспедициями против кокандских крепостей. Правда, в 1856 г. он приезжал в Петербург на коронацию, но ведь не с камнем же... После ухода Перовского в отставку 7 апреля 1857 г. это также было невозможно, так как из Оренбурга он уехал прямо в Алупку, где и умер 7 декабря того же года (о В.А. Перовском см. *Юдин П.Л.* Граф В.А. Перовский в Оренбургском крае // *Русская старина*. 1896. № 5–6. С. 409–429, 521–551). Впрочем, одна возможность все-таки остается: камень передавался в Эрмитаж уже после смерти Василия Алексеевича, в 1861 г., и, скорее всего, через Льва Алексеевича, особенно если учитывать его связь с Академией художеств.

¹⁹ См. *Мурзакевич*. Ук. соч. С. 441.

²⁰ О семье Уманцов–Гончаровых см. *Смирнова И.* Душка // *Мономах*. Литературно-краеведческий журнал. 2007. № 2(49). <http://monomax.sis.net.ru/main/view/article/551>.

²¹ Например, <http://www.turizm.ru/egypt/articles/p-404.html>. Я сам этой надписи не видел.

²² *Золотухин А.* Тайна поездки Пушкина «на саранчу» // *Вечерний Николаев*. 10, 14, 21 июня 1997 (<http://www.cnw.mk.ua/pushkin/rus/saran.htm>). Угрецов был наказан тридцатью ударами розгами.

²³ *Латышева*. Ук. соч. С. 126.

²⁴ *Уманец*. Ук. соч. Т. II. С. 37.

Имя Шерер, стоящее между именами медиков и унтер-офицеров, не идентифицируется в силу его относительной распространенности.

Все это было бы не более, чем курьезом, не имеющим никакого значения с египтологической точки зрения, если бы не хронология. Экспедиция прибыла в Каир в начале декабря 1842 г. (у Клот-бея ее члены были 5 декабря – первая упомянутая дата²⁵). В конце июня 1843 г. все, кроме Уманца, отбыли из Александрии в Одессу, а он направился в Палестину²⁶. В начале этого семимесячного периода чумы в Египте не было, что позволило Уманцу совершить поездку по стране, которая должна была занять месяц – полтора, а 18 мая он отправился на Синай, откуда вернулся через 15 дней²⁷. Если работы в госпитале, во время которых было не до осмотра памятников, продолжались месяца два, то наиболее вероятное время, когда вся группа могла посетить Гизу, – февраль или март 1843 г. (июнь явно отпадает, так как Полосухин умер в ходе работ в госпитале).

Именно в это время в Гизе начиналась одна из величайших эпопей в истории египтологии – экспедиция Карла Рихарда Лепсиуса. Первое посещение Гизы, приуроченное ко дню рождения Фридриха Вильгельма IV, состоялось 15 октября 1842 г., однако изучение некрополя началось несколько позднее и было быстрым и продуктивным. В письме от 2 января 1843 г. Лепсиус говорит о двух известных до начала исследований частных гробницах²⁸, а в марте, когда его экспедиция переместилась в Саккару, доступными стали уже девяносто пять гробниц. Гробница Нефер-бау-птаха, составляющая единый комплекс с гробницей Ии-мери, упоминается Лепсиусом как расчищенная в письме от 28 января²⁹. Таким образом, русские медики могли быть ее первыми посетителями и, более того, встреча с членами прусской экспедиции была практически неизбежной. Она должна быть описана в неопубликованных дневниках Уманца, и такой портрет молодого Лепсиуса был бы настоящим сокровищем для истории египтологии. Это делает поиски дневников настоящей задачей.

RUSSIANS AT GIZA, 1843

A.O. Bolshakov

The author publishes and discusses a graffito of 1843 placed in the Old Kingdom tomb of Iymery at Giza. The graffito consists of seven names written in Cyrillic characters: Vrachko, Umanets, Chernikov, Scherer, Kiselev, Polosukhin, Saleh. Most of these people can be identified as members of an expedition of the Odessa Quarantine sent to Egypt in order to study a method of struggling with plague infection by means of high temperature. They worked in Cairo at the same time when the Giza necropolis was being excavated by the expedition of Lepsius, and the two teams had to meet inevitably during the visit of the Russians to Giza, which most probably occurred in February – March 1843. Thus, the Russian physicians had to be among the very first people who saw the Giza tombs unearthed; moreover, it is known that Umanets kept a diary and he could describe both Giza in the process of excavations and Lepsius at the very beginning of his career – both would be priceless for the history of Egyptology, which makes searching for his unpublished notes an important task.

²⁵ Там же. С. 7.

²⁶ Там же. Т. I. С. VI.

²⁷ Там же. Т. I. С. VI, 30.

²⁸ *Lepsius R. Briefe aus Aegypten, Aethiopien und der Halbinsel des Sinai. B., 1852. S. 3.*

²⁹ *Ibid. S. 38.*